

УДК 398:321(47)(045)

*С.В. Козловский***НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЛАСТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ В ОТРАЖЕНИИ БЫЛИН**

Власть обычно трактуют как возможность навязать свою волю другим людям. Эта интерпретация, восходящая к М. Веберу, имеет вневременной характер и позволяет оценивать роль власти в социальной практике на любой территории. Однако представления о власти, сохранившиеся в былинах, показывают, что связанные с ней отношения имеют множество нюансов, связанных с правами, полномочиями и компетентностью личности в иерархической структуре древнерусского общества. Особенностью былин как источника является то, что они не дублируют летописные сведения, но существенно их дополняют, что позволяет по-новому взглянуть на некоторые элементы социальной практики. В статье исследуются былинное восприятие управления и подчинения как основы властных отношений, а также связанные с ним проблемы: статусного распределения, функций и полномочий, ритуальной обусловленности предоставления места в обществе, влияние этих представлений на формирование социальных мифов.

Ключевые слова: Древняя Русь, былины, власть, кормление, социальный миф.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-77-82

При изучении былин власть как феномен анализировалась относительно редко, так как вопрос о ней слишком связан с идеологией, политикой и, следовательно, мог быть предметом замечаний со стороны цензуры. Отдельные попытки подобного рода имели место, но, скорее, в рамках пропаганды монархических либо либеральных взглядов: «Вот свойство Ильиной службы, вот чему служил он богатырем, как выборный дружины земской и совсем не как член дружины княжеской» [5, с. 36]. В советское время подобные эксцессы тоже бывали, когда появлялись т.н. «новины» о Сталине, Ленине и т.д., но надо отдать должное исследователям былин — в основном они ставили перед собой иные задачи, не связанные с политикой и, по понятным причинам, всячески от нее дистанцировались. Анализировались эпические образы богатырей, князя, врагов, иногда отношение к власти, но не власть как системное социальное явление.

Те подтверждаемые по письменным источникам детали образа власти в социальной практике, что в конечном итоге сохранились в былинном наследии, эпизодически, своего рода пунктиром, характеризуют Древнерусскую эпоху в целом, а потому не могут жестко прикрепляться к определенному событию или периоду. Данная проблема, в перспективе, может быть решена с помощью мозаичного анализа эпических материалов. Иными словами, более точные атрибуции ко времени возможны, но только с учетом анализа типических мест, эпического стиля, что требует отдельных филологических/ текстологических исследований, реконструкции слоев в сюжетах и былинного контекста в целом. Сейчас мы можем лишь отсеять явные анахронизмы в контексте эпохи, наподобие огнестрельного оружия и т. п., что недостаточно для полноценного исторического изучения былин. Отдельной проблемой является вопрос о том, насколько велика разница в мышлении [2, с. 833–837] человека Древней Руси [8, с. 823–832]. Однако указанные выше текстологические проблемы не отменяют самого наличия в былинах определенных народных представлений о древнерусской власти.

Согласно былинам, навязать свою волю другим людям, т. е., фактически, проявить свою власть, могли князь, богатыри, бояре на пиру, церковь (владыка Черниговский), выборные представители (атаман), назначенные чиновники (воевода), старшие члены семьи (отец, мать, старшие братья), а также отрицательные персонажи, антигерои / разбойники (Соловей, Идолище, Змей, Маринка и др.). Власть антигероев, как правило, представляет собой социальную проблему в силу своей дисфункциональности — они не приносят пользы обществу, не создают продукт, который нужен для его существования, а лишь потребляют:

«Говорит-то тут Идолишшо, выспрашиват:
“Э по многу ли ест хлеба Илья Мурамеч?
Говорит-то калика перехожая:
“Он ведь кушат-то хлеба по единому,
По единому-едному он по ломтю к выти”. —

“Он по многу ли ведь пьёт да пива пьяного?” —
 “Он ведь пьёт пива пьяново всёво один пивной стакан”...
 Говорит-то тут калика перехожая:
 “Ище ты ведь по многу ли, царь, пьёшь и ешь,
 Ты ведь пьёшь, ты и ешь, да всё ведь кушаёшь?” —
 “Я-то пью-ту, я всё цяроцьку пью пива полтора ведра,
 Я всё кушаю хлеба по семи пудов;
 Я ведь мяса-та ем — к вѣти всё быка я сьем”.
 Говорит-то на те речи Илья Мурамеч,
 Илья Мурамеч да сын Ивановичь:
 “У моёво всё у батюшки родимого
 Там была-то всё корова-та обжорьцива;
 Она много пила да много ела тут —
 У ей скоро ведь брюшина-та тут треснула”.» [1, с. 190].

Любой социальный институт существует до тех пор, пока он нужен обществу, после чего оно его заменяет, передавая функции другим институтам. В былинах даже княжеская власть также начинает «шататься», когда оказывается оторванной от основной части общества, становится нефункциональной, что приводит к отказу богатырей встать на его защиту:

«Не поедем в раздольице й чисто полѣ,
 В поле биться, больно й ранишься,
 А на тыи на удары й на тяжелыи,
 А на тыи ль побоища на смѣртныи:
 Много есть у князя й у Владимира,
 Много есть господ да и бояринов,
 Он их кóрмит, пойт да и жалует,
 Ничего ведь мы от князя й не предвидели.» [4, с. 92–112].

Вроде бы, все очевидно: они ничего от князя не получали, а значит, ничем ему и не обязаны — он их не кормил. Однако термин «кормит» в данном случае многозначен: «кормило» — это еще и руль на лодке или корабле, т. е. князь ими (богатырями) не управлял, а лишь боярами и господами. Понятия «кормление» и «управление» в данном контексте тождественны. Пир в былинах не показан как бесплатная раздача пищи и питья: каждый пирующий должен был внести свой вклад:

«Посылает Владимир стольной киевской
 Молода Чурила Пленковича
 Князей и бояр звать в гости к себе,
 А зватова приказал брать со всякова по десяти рублев» [3, с. 91].

Отсутствие «корма», т. е. прямого участия в пиру, дает право на неподчинение:

«Тогда выходит солнышко Владимир-князь:
 “Уж ты ой, Соловей ли Рахматович,
 А зареви-ка еще полусвистом”.
 Отвечает на то Соловей да Рахматович:
 “Не твое я ем-кушаю, не тебя я и слушаю”» [9, с. 312–316].

Функции верховной княжеской власти, т. е. то самое «кормление» (управление), судя по былинным материалам, очень ограничены и заключаются почти исключительно в контроле и арбитраже с последующими санкциями: наказании / награждении и перераспределении должностей, распределении ресурсов в соответствии с социальной ролью:

— князь обязан публично предоставить место в соответствии со статусом;

— князь обязан публично спросить каждого о том, что он сделал для общества и проверить его слова, в случае сомнений;

— князь обязан публично награждать за полезные действия и возвысить отличившихся;

— князь обязан публично наказать провинившихся либо не доказавших свою полезность.

Почестной пир в былине представляет собой не столько место престижного события или символическое обоснование власти князя над теми, кто согласился туда прийти, по праву предоставления им пищи и чаши, или, если быть точным, воздаяния «чести», сколько своеобразное заседание суда с присяжными. Понятие «честь», в данном контексте сближается по смыслу с «участием» (в пиру), правом на похвальбу, и, соответственно, оценку своих действий с позиции общества и князя, с определенными последствиями для себя. По результатам манифестации заслуг, «труда», изменялся социальный статус. Иными словами, кормление как процесс управления не могло обойтись без пира как базовой процедуры социальной практики, хотя этимологически с ним и не связано. Происхождение понятия, скорее всего, объясняется сходством с процессом судовождения, учитывая, что на корме судна находился руль, можно утверждать, что в былинах имеет место каламбур: с одной стороны, кормление представляет собой процесс предоставления пищи, с другой — процесс руления (управления) кораблем. Беседы в полу-пире, составляющие основное содержание былин — это и есть процесс кормления (управления). Создается впечатление, что Князь отдает распоряжения тем, кто находится у руля (кормила), а его дружина сидит на скамьях, как гребцы на корабле, т. е. система управления обществом либо напоминает управление экипажем корабля, либо является прямым переносом подобных властных отношений в социальную практику. Былина в принципе рассматривает государство как корабль, показывая наличие на нем ключевых социальных институтов:

«...Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три церкви соборные;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три монастыря, три почесные;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три торговища немецкие;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три кабака государевы...» [4, с. 284–286].

Былинного князя Владимира нет на поле боя, на корабле, он крайне редко виден на охоте (в поле) или в поездке, но очень часто замечен на пиру, который каждый раз неизбежно переходит в обсуждение текущих вопросов и решение государственных проблем. Обычно на пиру обсуждаются вопросы дипломатии, значимые для внутренней политики поступки присутствующих, слушают сведения о текущей обстановке, но главный вопрос, который требует решения и поднимается практически постоянно — кадровый, т. е. поиск исполнителей для поручений. Князь выступает в роли верховного судьи, но он лишь утверждает решение, которое предлагают его советники, иными словами, он несет ответственность за выбор советников, а не за конкретное решение, которое, к тому же обычно принимается с одобрения большинства присутствующих на пиру.

Власть функциональна до аморальности. Если для престижа князя, а значит, и страны нужно отобрать жену у богатыря, отправив его на гибель прямо или косвенно, то князь получает одобрение и поддержку не только дружины, но даже крестовых братьев этого героя. Власть князя в данном контексте близка к власти патриарха, главы рода. Он распределяет общее достояние, но он же может и отнять.

В основе княжеской власти, в эпическом ее отражении находится принцип кормления: «не твое я ем-кушаю — не тебя и слушаю» [9, с. 315]. В тех случаях, когда подчеркивается подчиненный характер князя перед иноземным захватчиком, былина называет князя Владимира «поваром», подчеркивая, что пища на пиру ему уже не принадлежит, т. к. он — всего лишь обслуга:

«Сидит Издолишше поганое,
На коленях доржит матушку Апраксию,
Руками бродит под подолами.
Подносит Владимир пишчу-кушанье» [9, с. 354].

В этом его статус сближается с положением смерда, не владеющего имуществом, не способного передать в наследство, а лишь пользующегося им, пока на это есть разрешение хозяина.

Вторым основанием для подчинения был принцип старшинства (младшие должны слушаться старших), но это старшинство не всегда было связано только с возрастом, здесь имели значение статусные позиции (заслуги), сила, опыт, степень родства. Власть могла быть делегирована князем ответственному лицу для совершения каких-либо действий (посол, судья, воевода), могла вытекать из рода занятий (священник, монахи и пр.). Власть могла быть выборной — у богатырей на заставе во главе атаман, т. е. не назначенный, а выбранный либо молчаливо одобренный (в силу непререкаемого авторитета) руководитель. При этом в былине отсутствует социальное равенство как явление. Место каждого определяется его относительной ценностью для общества. Даже положение богатырей не представлено равноправными отношениями, каждый из них связан узами названного/крестового братства, в котором есть младшие и старшие, согласно характеру их деятельности, функциям, силе. Часть дружинных отношений представлена жесткой зависимостью по типу холопства, когда повышение в ранге в рамках устоявшейся иерархии не предусмотрено, т. к. стать «старшим» у «младшего», при отсутствии возможности совершить «подвиг», получится только по отношению к слабейшему новичку, когда и если для него освободится место.

Неизменной статусной позиции в былинном обществе не наблюдается, и князья, и богатыри постоянно вынуждены решать проблему подчиненности. Для князей место в международной иерархии определяется с помощью выяснения обязанности взимания либо выплаты дани, причем важен не столько размер, сколько сам факт ее получения или уплаты. Отчасти социальное положение определялось происхождением, родством и вероисповеданием, но не всегда. Сложная система закрепления статусов «по старине», т. е. по традиции, не давала однозначного ответа на вопрос о том, кто кому должен подчиняться, например, внуки по возрасту могли быть равны с сыновьями, братья могли происходить от разных матерей, при этом они еще и функции де-факто выполняли различные, что в совокупности приводило к практически неразрешимым противоречиям внутри общества, справедливым претензиям на одно и то же место сразу нескольких лиц и т.д. Чтобы преодолеть данное противоречие, зачастую использовались ритуалы — «испытания», разного рода «гадания», которые должны были показать место по косвенным признакам божьей воли:

«“Ай допустят ли да кони богатырские
Моего коня да богатырского
Ко тому ли полотну, ко белому
Позобать пшenu да белоярову”
Его конь идет грудью к полотну,
А идет зобать пшenu да белоярову;
Старья казак да Илья Муромец
А идет он во бел шатер» [6, с. 450],

Божья воля воспринимается как абсолютная власть. В остальных случаях, в рамках подобных коллизий, указать место в обществе мог лишь князь, что обычно и делал, но после предварительной беседы в присутствии остальных людей на пиру. Однако в ряде случаев, даже его власти на это могло не хватить, и тогда вопрос решался путем похвальбы, т. е. публичного заявления заслуг перед обществом, больших или меньших, чем у других претендентов. Все это очень напоминает местнические споры эпохи Московской Руси, но с важными оговорками: князь мог своей волей по доказанным и признанным «заслугам» посадить любого человека во главе стола рядом с собой или напротив, что автоматически означало смещение всех остальных в иерархии вниз, независимо от происхождения, родовитости и прочих аргументов местнической статусной системы. Объем власти фактически определялся на пиру / церковной службе и зависел от близости или отдаленности от князя, формы участия (приглашенный гость или обслуга) присутствовавшего на данных мероприятиях, а также одобрения, порицания или сомнений в справедливости заслуг героя, его претензий на признание и «честь» со стороны княжеских советников («подмолвчивых» и «подговорчивых» бояр).

Власть не была единой, кроме княжеской власти, на героя, прямо или опосредованно, могла влиять власть церковная, вплоть до добровольно-принудительного паломничества, в которое периодически уходили богатыри, оборачиваясь «каликами перехожими», а также семья (родители), которая могла и не дать «благословения» на те или иные поступки, способные вызвать общественный резо-

нанс. Власть могла быть и «чужая», т. к. ничего предосудительного в службе зарубежному правителю богатыри не видели, отъезд в знак протеста — базовая реакция на притеснения или умаление богатырского статуса со стороны князя.

Верховная власть воспринималась неоднородно: есть Киевский князь, и есть все остальные — «подколенные», есть Царьград и Константин Боголюб, служить которому не только почетно, но и выгодно. В отношении эпического Константина Боголюбова не совсем понятно, имеется ли в виду Константин Великий или произошло наложение былинного и церковного предания, поскольку, например, город Боголюб некоторое время претендовал на роль столицы северо-восточной Руси и находился под властью Константина Всеволодовича.

Народная и вечевая власть представлена в былинах аморфно как власть толпы — «голей» и городских «мужиков», поддерживающих Илью в Киеве, Чернигове, либо противостоящих Василию Буслаеву в Новгороде, Вольге и Микуле в Ореховце и Гурьевце.

Власть в былинах имела границы. Например, у жены князя и у бояр могли быть свои дружины, которым он непосредственно не приказывал. Были неписанные правила, например, «нельзя у живого мужа жену отнять», которые он вынужден соблюдать. Был своеобразный протокол, алгоритм принятия политических решений, по которому князь озвучивал вопросы, требующие решения, а приглашенные предлагали решения и лиц, ответственных за их исполнение. Приглашенные лица, судя по всему, также не были случайными, князь мог не собирать всех, кто имел право на участие в вече, а лишь тех, кого напрямую касалось принимаемое решение, т. е. представителей отдельных категорий населения. Была церковь, с которой приходилось считаться в некоторых вопросах (владыка Черниговский захватывал у князя Владимира корабли в обеспечение залога), были иноземные правители, которые признавали себя данниками либо сами требовали дань, причем ее размер не имел существенного значения, был важен сам факт такого события как формата признания мирных отношений.

Власть в былинах представлена крайне фрагментарно и говорить о единой картине властных отношений не приходится, их следы относятся к различным периодам и событиям. Очевидно, что представления о власти менялись уже в процессе создания былин, а не только при их бытовании. В народном сознании и современной российской ментальности очень четко запечатлелись критерии «правильной» / справедливой, народной и «неправильной» / несправедливой, олигархической власти, которые оказывают свое влияние до сих пор. Как известно, «изменения в обществе, происходящие под воздействием социально-экономических и внешних факторов, закреплялись на уровне идеологии, выражавшейся в мифе...» [8, с. 199]. О демократии, в западном смысле этого слова, в былинах речи не идет, поскольку идея равенства распространения в них не получила, но алгоритм принятия политических решений, при котором за решение отвечает не правитель, а его советники, остался в народном сознании, породив социальный миф: «Князь хороший, но бояре плохие». В ментальности также остались представления о том, что верховная власть должна решать проблемы всего общества, устраняя и заменяя людей, которые не готовы отвечать за последствия принятых решений, на тех, кто способен это сделать, по принципу: «Нет человека — нет проблемы». На этой же почве возник и сохраняется до сих пор идеал власти / образа действий правителя, в основе которого находится былинный образ князя Владимира — жестокого к провинившимся и щедрого к отличившимся, не взирая на их статус и происхождение. Он аморален, но функционален, а потому воспринимается позитивно, так же, как и образ властных действий Ивана Грозного, Петра I, Сталина. Их позитивный образ базируется на устранении от власти всех тех, кто не доказал свою полезность и их наказании за ошибки. Именно это делает их образ привлекательно «справедливым».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беломорские старины и духовные стихи: собрание А.В. Маркова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 1079 с.
2. Долгов В. В. Рациональное и нерациональное в мышлении человека Древней Руси // Вестник Удм. ун-та. 2021. Т. 31, вып. 4. С. 833–837.
3. Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977. 488 с.
4. Илья Муромец. М., Л.: АН СССР, 1958. 559 с.
5. Козловский С. В. История и старина: мировосприятие, социальная практика, мотивация действующих лиц. Ижевск: Тип. Удм. ун-та, 2009. 355 с.
6. Онежские быliny, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1873. 732 с.
7. Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2007. 624 с.

8. Пузанов Д. В. Существовало ли сверхъестественное в средневековой культуре // Вестник Удм. ун-та. 2021. Т. 31, вып. 4. С. 823–832.
9. Свод Русского фольклора. Былины. Т. 1. М.: Наука, 2001. 776 с.

Поступила в редакцию 30.08.2021

Козловский Степан Викторович, кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия»
426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, 11
E-mail: svk7878@mail.ru

S.V. Kozlovsky

PEOPLE'S PERCEPTIONS OF POWER IN ANCIENT RUSSIA IN THE REFLECTION OF BYLINY

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-77-82

Power is usually interpreted as the ability to impose one's will on others unconditionally, even against their resistance. This interpretation, which goes back to M. Weber, has a timeless character and allows us to assess the role of power in social practice in any territory. However, the perceptions of power preserved in byliny show that the relations connected with it have many nuances connected with the rights, powers and competence of an individual in the hierarchical structure of Old Russian society. The peculiarity of byliny as a source is that they do not duplicate the chronicle information, but significantly supplement them, which allows a new look at some elements of social practice. This article examines the bylinic perception of governance and subordination as the basis of power relations, as well as related problems: status distribution, functions and powers, ritual conditionality of granting a place in society, the influence of these perceptions on the formation of social myths.

Keywords: Ancient Russia, epics, power, feeding, social myth.

REFERENCES

1. Belomorskie stariny i duhovnye stihi: sobranie A. V. Markov. [White Sea Bylinas and Spiritual Poems: A. V. Markov's Collection] SPb., Dmitriy Bulanin Publ., 2002, 1079 p. (In Russian).
2. Dolgov V. V. Racional'noe i neracional'noe v myshlenii cheloveka Drevnej Rusi [The Rational and the Irrational in the Intellectual Culture of Ancient Rus']. Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of the Udmurt University], 2021, vol. 31, issue 4. pp. 833–837. (In Russian).
3. Drevnie Rossijskie stihotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym [Ancient Russian Poems Collected by Kirshey Danilov]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 488 p. (In Russian).
4. Il'ya Muromec. [Ilya Muromets] Moscow, Leningrad, AN SSSR Press, 1958, 559 p. (In Russian).
5. Kozlovskij S. V. Istoriya i starina: mirovospriyatie, social'naya praktika, motivaciya dejstvuyushchih lic [History and antiquity: worldview, social practice, motivation of actors] Izhevsk, Udmurt State University Press, 2009, 355 p. (In Russian).
6. Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 g. [Oneza Byliny, recorded by A. F. Gilferding in the summer of 1871]. St. Petersburg, Tip. Imp. akad. Nauk Publ., 1873, 732 p. (In Russian).
7. Puzanov V. V. Drevnerusskaya gosudarstvennost': genesis, etnokul'turnaya sreda, ideologicheskie konstrukty [Old Russian statehood: genesis, ethno-cultural environment, ideological constructs] Izhevsk, Udmurt State University Press, 2007, 624 p. (In Russian).
8. Puzanov D. V. Sushchestvovalo li sverh"estestvennoe v srednevekovoj kul'ture [Did the Supernatural Exist in Medieval Culture]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. [Bulletin of the Udmurt University], 2021, vol. 31, issue 4. pp. 823–832. (In Russian).
9. Svod Russkogo fol'klora. Byliny [Vault of Russian Folklore. Byliny]. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 2001, 776 p. (In Russian).

Received 30.08.2021

Kozlovsky S.V., Candidate of History, Associate Professor at Department of Humanities
Izhevsk State Agriculture Academy
Studencheskaya st., 11, Izhevsk, Russia, 426069
E-mail: svk7878@mail.ru